

Александр Савченко, как мы однажды говорили, писатель. Недавно он закончил повесть "Океаны сливаются с небом" о художнике Николае Гриценко, знаменитом маринисте, родившемся в Кузнецке и, к слову, женившемся на дочери известнейшего галериста Третьякова. А недавно мы получили такое послание:

Время скакануло, особенно после начала Нового года... Как говорится, я проснулся в пять часов - слышу много голосов... И один из них - мой внутренний. Вспомнил, что до этого два года сидел над темой Достоевского. Все готовил себя к февралю 2017 года... А тут само пришло... Короче, предлагаю отрывок (главку) из повести "Неисповедимы дороги". Это о трех посещениях Фёдором Михайловичем нашего Кузнецка. Конкретно написанного кем-то об этом случае очень мало. Точнее, почти ничего нет. А факт венчания - это моя художественная реконструкция. Пришлось тряхнуть стариной. Собрал раньше материал о художнике Гриценко, вышел на тему Достоевского. Семипалатинск - Кузнецк, три поездки. Его дороги общей длиной в 4,5 тысячи верст. Каждая из встреч с Марией Исаевой. Много описаний Кузнецка того времени. Я, кстати, начал свою жизнь в городе в 300 метрах от того места, где впервые появился на Форштадте писатель. Жил на углу переулков Блиновского и Зеленой. Дело было еще при старой тюрьме. Все это помогло вообразить, как бы могло раньше произойти знаменитое действо.

С уважением Александр Савченко.

Венчание Достоевского

Глава из повести "Неисповедимы дороги"

Одним махом пролетел декабрь. Уже заканчивался январь...

Второй день по вечерам Тюменцев растолковывал тонкости проведения будущей свадьбы. Достоевского меньше всего интересовали домашние послецерковные посиделки, да и само венчание он понимал, как проведение установленного церковного ритуала, при этом в душе желая устроить все как можно быстрее и проще.

- Ну, не мной оно придумано! - перекрестился Евгений Исаакович. - Веками складывалось так. Венчание, дорогой Федор Михайлович, относится к одному из семи таинств Святой церкви. С помощью его будущие супруги получают особую благодать. Жених и невеста дают взаимные обещания в верности. За это получают Божье изъятие на рождение и воспитание детей.

Марья Дмитриевна улыбнулась. Это не прошло мимо цепкого взора Тюменцева.

- Да, я, батюшка, о своем, - робко промолвила Исаева.

Настала очередь улыбнуться Тюменцеву. Он с некоторым смущением произнес:

- Простите, я как-то запамятовал: вы же уже однажды стояли под венцом... Тогда все слова мои только к вам, Федор Михайлович.

- Я все понимаю, отец мой, но я человек при исполнении воинской службы. И ограничен во времени. Сроки моей отлучки оговорены с непосредственным начальством. А оно... знаете где. На ухо никому не шепнешь и не докричишься:

- Вы, голубчик мой Федор Михайлович, тоже войдите в наше церковное положение. У нас есть писанные и неписанные законы. А исполнять их надо все! При огромнейшем моем желании не могу вас обвенчать в любой день! Хоть убейте! В нашей православной церкви венчание нельзя проводить по вторникам, четвергам и в субботу. Это раз! И не в каждый божий праздник. Два! Да во время постов - уже три! Святки, дай бог, прошли, а до Сретенья далековато. Еще бы не угадать на пасхальную неделю. К тому же серьезная работа у нашего причта: обыск, опрос поручителей. Кстати, буду рекомендовать нужных и благонадежных людей...

Промолчал какое-то время, углубившись в себя.

- Поразмыслил я и скажу, что кроме как шестого февраля, то есть в ближайшую пятницу у нас ничего не выйдет. Если не получу вашего согласия, то уж как Бог вам даст...

- Я согласен! - с готовностью сказал Достоевский.

- Да, мы согласны, - подтвердила, кашлянув, Марья Дмитриевна.

На другой день Достоевский и Исаева снова появились в храме. В официальном порядке Достоевский заявил священнику о своем желании обвенчаться. Тюменцев вызвал дьячка, поручил ему, как полагается, записать звание, имя и фамилии желающих встать под венец. Потом объяснил, что в ближайшие три дня он делает оглашение. Все знающие приходских венчаться могут сообщить церкви об известных им препятствиях для совершения брака. Вместе с оглашением причт церкви проведет брачный обыск.

- Если никаких препятствий не возникнет, то, учитывая щепетильность вопроса, наш храм отнесется с глубоким пониманием к вашему желанию совершить чин венчания.

И Тюменцев еще раз обратил внимание на то, что приготовления к венчанию должны быть завершены строго до шестого февраля. Достоевский признался, что обручение к настоящему времени совершенно во время помолвки, и показал кольцо на безымянном пальце правой руки.

- Вы уж только нательные крестики не забудьте!..

Венчание назначили на начало второй половины дня. Кошечка с женихом и невестой прикатила с ветерком в сопровождении еще четырех саней. У дверей храма толпился народ, в большинстве местные жители с Подгорья да с Форштадта, были тут и нагорские завсегдаши. Оказалось много любопытствующих, но все пришло с добром и радостью. Впереди, как полагается, стояли известные и именитые в городе люди. Поутру небо заваливало землю снежком, а около двух часов выси разъясьнулись, выглянуло теплое солнышко.

Перед входом в храм отец Тюменцев надевает взятые заранее кольца жениху и невесте. Те трижды ими обмениваются, что символизирует передачу власти супруги над собой. С этой минуты пришедшая пара официально значится женихом и невестой.

Тюменцев вводит их в центр храма, останавливаясь перед аналоем. Кто-то попытался протиснуться вперед, но на него шикнули. Невеста в голубом платье с длинными рукавами и с буфами, как посоветовала ей форштадтская портниха. Подол платья касается кромки черных пимов. На голове светлый цветастый платок. На женихе темный мундир с золотыми погонами - по одной звездочке на красном про свете. Начиненные до ослепительного блеска выгнутые латунные пуговицы - по шесть штук в два ряда, на ногах высокие офицерские сапоги. Невеста стала по левую руку от жениха.

Взошедший, было, на алтарь Тюменцев возвращается. Впереди него дьяк и подъячий несут Евангелие и Святой Крест. После благословения священника жених и невеста сообщают крестное знамение. Тюменцев сообщает, что брачный обыск под номером 17 произведен. Документ подписан женихом, служащим Сибирского линейного батальона № 7 прапорщиком Федором Михайловичем Достоевским и невестой, вдовой коллежского секретаря Марией Дмитриевной Исаевой, а также их поручителями коллежским асессором Иваном Мироновичем Катанаевым и чиновником таможенного ведомства Петром Сапожниковым, государственным крестьянином Михаилом Дмитриевичем Дмитриевым и чиновником Кузнецкого училища Николаем Вергуновым. И, наконец, сообщил, что обыск произведен в присутствии членов причта Одигитриевской церкви священника Евгения Тюменцева, дьякона Петра Лашкова, дьячка Петра Угрянского и пономаря Ивана Слободского. Жених, со своей стороны, представил специальное дозволение за № 167 от имени командира Сибирского линейного батальона № 7 полковника Беликова.

Достоевский слабо морщится, он вспомнил, что давно не бывал в светлом и многолюдном храме. Взором выхватывает лица знакомых и незнакомых людей. Прикрыл широкие глаза исправник. Туманными глазами смотрит куда-то в темный угол Вергунов, нечаянно навалившееся горе совсем сбило с пятачку растерянного учителя. Рука об руку стоит

чета местных докторов Гриценко - Николай Семенович и Анна Фоминична. Переминается с ноги на ногу простуженный хозяин квартиры Исаевых - Дмитриев. Возле матушки Елизаветы Павловны Тюменцевой лупает глазами Машин сын Паша. Где-то позади других тянет голову из-за чужого плеча Вагин. Федор Михайлович мимолетом определил, что народу на его торжество собралось поболее сотни человек...

Сладко щекочет нос запах горелого воска. То и дело открывается входная дверь, припоздавшие насоро снимают с морозу шапку и крестятся. Горбатенькая женщина из церковной службы зажигает венчальные свечи, священник раздает их жениху и невесте. Те принимают по свече в левую руку, женщина подает два белых платка - ими обертывается низ свечей, чтобы стекающий воск не обжигал руку. На пальце жениха золотое кольцо - символ солнечного цвета и мужской силы, у невесты серебряное колечко - металл символизирует лунный свет и женское начало.

Тюменцев читает молитвы и просит у Бога даровать венчающейся паре детей и внуков. Каждый раз, когда крестится священник, крестится Достоевский и Исаева.

Свидетели подносят к жениху и невесте венчальные короны, те их целуют, после чего свидетели продолжают держать венцы над головой будущих супругов.

Тюменцев читает молитву Господню "Отче наш". Голос Тюменцева необычайно торжественный, поднимается до самого купола.

- Отче наш, Иже еси на небесах! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Ибо твое есть Царство и сила и слава во веки!

После чтения он осеняет крестным знаменем чашу, наполненную красным вином, протягивая ее будущим супругам: сначала ему, потом ей.

- Я беру тебя в жены! - несколько раз произносит жених.

- Я беру тебя в мужи! - столько же раз повторяет невеста.

После этого Тюменцев объединяет руки Федора Михайловича и Марьи Дмитриевны, поверх рук кладет епитрахилью (широкую ленту, огибающую шею священника, и обоими концами спускающуюся на его грудь) - и уже на нее возлагает свою ладонь. Это означает, что вечный брак заключен и благословлен небесами.

Пара поочередно целует иконы Божией Матери и Спасителя, после чего Тюменцев еще более торжественным голосом восклицает:

- Я объявляю вас мужем и женой!

Он берет чету Достоевских за руки и обводит их вокруг аналоя.

Все близкие и знакомые Федора Михайловича и Марьи Дмитриевны отрываются от общей толпы и бросаются к молодоженам. Весь обряд длился около одного часа.

В знак единения двух сердец раздается звон с колокольни Одигитриевской церкви. Звон забирается в высоту и плывет над замерзшими тополями и скованной льдом Тотьмо далеко в сторону, куда через несколько дней увезет удалая тройка семью Достоевских.

Александр Савченко.